

РАЗДЕЛ IV. ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЯ И СТРАНОВЕДЕНИЕ

УДК 81.373, 811.161.1'276.5
ББК 81.411.2-55

О. И. Алексеева¹

ORCID: 0009-0006-1559-7446

*Магнитогорский государственный
технический университет им. Г. И. Носова
455000, Россия, г. Магнитогорск, пр. Ленина, д.38
olgadusoleil@yandex.ru*

С. В. Рудакова²

ORCID: 0000-0001-8378-061X

*Магнитогорский государственный
технический университет им. Г. И. Носова
455000, Россия, г. Магнитогорск, пр. Ленина, д.38
rudakovamasu@mail.ru*

ТЕЛЕСНОСТЬ VS ТЕХНОЛОГИЧНОСТЬ: НАЦИОНАЛЬНАЯ СПЕЦИФИКА МЕТАФОРИЧЕСКОГО МОДЕЛИРОВАНИЯ В ДЕЛОВОЙ ПРОЗЕ (НА МАТЕРИАЛЕ КНИГ М. БАТЫРЕВА И С. КОВИ)

Концептуальная метафора выступает не просто художественным украшением делового дискурса, это когнитивный инструмент, формирующий языковую картину мира профессионального сообщества. В рамках компаративного анализа деловой прозы выявляется устойчивая дихотомия: русскоязычный бизнес-нарратив тяготеет к соматической и экзистенциальной образности, тогда как англо-американская традиция опирается на технократический и утилитарный метафорический аппарат. Целью данного исследования является выявление национальной специфики

¹ Алексеева Ольга Игоревна, магистрант, Магнитогорский государственный технический университет им. Г. И. Носова, г. Магнитогорск, Россия.

² Рудакова Светлана Викторовна, доктор филологических наук, профессор кафедры языкознания и литературоведения, Магнитогорский государственный технический университет им. Г. И. Носова, г. Магнитогорск, Россия.

метафорического моделирования через сопоставление концептуальных метафор в бестселлерах российского автора М. Батырева «45 тагуировок личности. Правила моей жизни» и американского автора С. Кови «Семь навыков высокоэффективных людей. Мощные инструменты развития личности». Материалом послужили 60 метафорических единиц, извлеченных методом сплошной выборки. В работе применяются методы когнитивного метафорического анализа, компонентный анализ и сравнительно-сопоставительный метод. Показано, что в русской деловой прозе легитимация знания и лидерства происходит через соматическую экзистенциальность: истина должна быть физически выстрадана и интегрирована в телесный опыт. В англо-американской традиции доминирует технократический утилитаризм: человек и его отношения концептуализируются как оптимизируемая система, где знание есть алгоритм, а кризис – устранимый сбой. Результаты исследования демонстрируют, как через метафорическое моделирование конструируются принципиально разные модели успеха, управления и межличностного взаимодействия.

Ключевые слова: концептуальная метафора, деловой дискурс, соматический код, технологический код, языковая картина мира, М. Батырев, С. Кови, когнитивная лингвистика

Введение

Исследование национальной специфики метафорического моделирования в деловой прозе связано с тремя фундаментальными направлениями современной лингвистики: когнитивной теорией метафоры, лингвокультурологией и дискурсивным анализом.

В когнитивной лингвистике метафора рассматривается не только как средство художественной выразительности, но как когнитивный механизм мышления, структурирующий восприятие и оценку абстрактных понятий, в том числе в сфере бизнеса и управления. Исследование метафорических моделей в деловой прозе дает возможность выявить культурные коды, ценностные ориентиры и национальные особенности деловой коммуникации.

Деловой дискурс, будучи инструментом трансляции корпоративной культуры и управленческих парадигм, активно использует метафорическое моделирование для осмысления и усвоения сложных абстрактных концептов. Согласно теории концептуальной метафоры Дж. Лакоффа и М. Джонсона [10; 17], метафора представляет собой не просто риторический прием,

а фундаментальный механизм человеческого мышления, посредством которого человек осмысливает абстрактные понятия через конкретный чувственный опыт. Как подчеркивают исследователи, «наша обыденная понятийная система, в рамках которой мы думаем и действуем, по сути своей метафорична» [10, 25]. Именно через этот механизм одна концептуальная сфера (источник) структурирует другую (цель), позволяя нам концептуализировать «то, что определено менее четко, в терминах того, что определено более четко» [10, 96]. В контексте деловой прозы это объясняет, почему абстрактные управленческие процессы неизбежно проецируются либо на телесный опыт, либо на механистические модели. Работа Дж. Лакоффа и М. Джонсона [10] важна для анализа деловой прозы, для которой характерно использование таких абстрактных понятий, как «управление», «стратегия», «конкуренция», получающих когнитивную конкретизацию через метафорическое проецирование их на более конкретные сферы.

Для понимания процесса метафоризации значима и работа «Теория метафоры» [14], в которой были представлены исследования ведущих лингвистов, заложивших методологические основы для изучения метафоры как междисциплинарного феномена, в который, в частности, был сделан выход на анализ прагматического и культурного изучения метафоры, создающего предпосылки выявления национально специфических особенностей метафоорообразования.

Показателен и фундаментальный труд В. П. Москвина «Русская метафора: Опыт семиотического описания» [11], в котором метафора рассматривается с позиции семиотики. Для исследования деловой прозы эта работа значима по нескольким причинам. Во-первых, концепция Москвина дает основания рассматривать метафорические модели как знаковые системы, функционирующие в рамках определенного культурного кода. Во-вторых, Москвин классифицирует метафоры, что позволяет разграничивать конвенциональные и авторские метафоры. В-третьих, в монографии представлен богатый фактический материал по русской метафорике, что может служить фоном в сопоставительном анализе выбранных двух книг деловой прозы.

В работах магнитогорских филологов [1; 12; 13; 18] метафора рассматривается как инструмент контекстуализации языковой картины мира, как базовый оператор, структурирующий восприятие и осмысление действительности носителями языка. Метафорические модели, по мнению этих ученых, позволяют аккумулировать

коллективный опыт, фиксируя как универсальные когнитивные механизмы, так и специфические культурные предпочтения. При исследовании деловой прозы учёт этого подхода позволяет выявить то, как русская и англо-американская управленческие системы по-разному концептуализируют ключевые бизнес-категории через метафорическое моделирование.

Понятие «метафорическое моделирование» в современной лингвистике рассматривается как [5; 8; 13; 19] системное концептуальное проецирование признаков исходной сложной абстрактной сферы на другую конкретную понятную область, в результате чего рождается институализированная интерпретация.

При этом кросс-культурный анализ выявляет устойчивые национальные специфики в выборе метафорических источников, что отражает глубинные культурные коды и ценности профессиональных сообществ. Как отмечает А. Вежибцкая, языковые единицы не являются нейтральными оболочками: они «отражают и передают образ жизни и образ мышления, характерный для некоторого данного общества <...> и <...> представляют собою бесценные ключи к пониманию культуры» [6, 17]. Показательно утверждение о том, что базовые для бизнеса концепты не являются универсальными: «Метафоры *ТРУД – ЭТО РЕСУРС* и *ВРЕМЯ – ЭТО РЕСУРС* ни в коем случае не универсальны. Они возникли в культуре как естественное следствие нашего восприятия труда, нашего пристрастия к счёту и нашей одержимости целесообразностью» [10, 102].

Современная деловая литература представляет собой уникальный материал для компаративного исследования, поскольку она не только транслирует управленческие знания, но и формирует определённые модели поведения, легитимируя их через метафорические образы.

В этом контексте особую репрезентативность приобретают бестселлеры М. Батырева [3; 4] и С. Кови [9; 15], каждый из которых отражает национальную традицию бизнес-мышления. Если С. Кови, представляющий англо-американскую школу менеджмента, предлагает читателю стать «программистом» [9, 146] собственной жизни, где доверие измеряется балансом «эмоционального банковского счёта» [9, 208], то М. Батырев, работающий в русскоязычном дискурсе, апеллирует к «внутреннему стержню» [3, 12] и знаниям, которые «набиты на сердце» [3, 136].

Целью данной статьи является выявление и интерпретация национальной специфики метафорического моделирования в деловом

дискурсе через сопоставление концептуальных метафор в текстах М. Батырева и С. Кови. Выбор данного материала неслучаен: в этих двух культовых книгах российского и американского авторов, представляющих деловой мир, описаны различные способы концептуализации управленческой и бизнес деятельности в различных культурно-языковых традициях. Это позволяет не только рассмотреть две управленческие и ментальные традиции, но и выявить когнитивные культурно обусловленные предпочтения в метафоробразовании. В качестве рабочей гипотезы выдвигается утверждение о том, что в русскоязычной деловой прозе доминирует соматический код, тогда как англо-американская традиция опирается на технологический код. Материалом исследования послужили 60 метафорических единиц, извлеченных методом сплошной выборки из текстов М. Батырева (35 единиц) и С. Кови (25 единиц). В работе применяются методы когнитивного метафорического анализа, компонентный анализ и сравнительно-сопоставительный метод.

Соматический код в русскоязычной деловой прозе

Анализ метафорического аппарата в текстах М. Батырева демонстрирует доминирование соматического кода, через который концептуализируются ключевые категории бизнес-дискурса: знание, лидерство и эмоциональный ресурс. В данной парадигме абстрактные управленческие понятия проецируются на физическое тело, что отражает глубинную установку на экзистенциальную легитимацию опыта.

Наиболее репрезентативной и структурообразующей в тексте является сквозная соматическая метафора татуировки, восходящая к управленческому контексту первой книги автора «45 татуировок менеджера». Именно здесь автор впервые формулирует ключевой механизм кодирования профессионального опыта: «Я называю принципы татуировками, так как они навсегда впечатывались в меня после разных событий, происходивших в жизни. От удара в челюсть до водопада женских слез. Это мои грабли, это мои шишки, это мои татуировки» [4, 14]. Ключевая метафора, лежащая в основе книги, являет собой яркий пример культурно специфического метафорического моделирования. В содержательном плане нужно учитывать, что в русском культурном контексте татуировка ассоциируется не только с модным украшением она может быть связана с необратимостью выбора (это на всю жизнь), с указанием на принадлежность к определенной социальной группе (только «свои» могут понять ее истинный смысл), с болезненностью её появления

(тату набивается через боль и кровь), с ответственностью за принятое решение.

В книге «45 татуировок личности» автор выстраивает четкую топографию этих татуировок, варьируя их локализацию от глубинных, экзистенциальных структур («татуировка на внутренней стороне сердца» [3, 22]; «татуировка эта была набита на моем сердце» [3, 136]; «татуировка проявилась у меня на сердце» [3, 173]) до видимых внешних покровов и конкретных частей тела («нанесла мне татуировку прямо на пузо» [3, 62]; «на моей коже появились слова» [3, 87]; «нанес мне на запястье татуировку» [3, 163]; «...надпись отпечаталась на моей спине татуировкой, и теперь она всегда со мной» [3, 288]; «вывел себе на руке еще одну татуировку» [3, 294]).

Особый лингвистический интерес представляет глагольная парадигма, описывающая процесс приобретения этих принципов. Батырев последовательно избегает технологичных или абстрактных глаголов ментальной деятельности (таких как «осознал», «запомнил» или «сохранил в памяти»), заменяя их на лексемы, обозначающие физическое, зачастую травматичное воздействие: отпечаталась, нанесла, набита, проявилась, образовалась. Подобная лексика маркирует управленческий принцип не как абстрактную информационную единицу, а как органическую часть физической плоти лидера, приобретающую свойства шрама или родимого пятна. Таким образом, метафора татуировки актуализирует темы необратимости, телесного усилия и глубокой интеграции внешнего опыта в соматическую матрицу личности, что составляет яркую смысловую оппозицию механистическим или цифровым моделям усвоения знаний. То есть в книге Батырева ключевая метафора наделяется особыми смыслами: каждая «татуировка» – это выстраданный управленческий опыт, это правило, принцип, «въевшийся под кожу», это невозможно забыть, игнорировать, отменить. Особую значимость имеет и тот факт, что сам автор книги – авторитетный управленец, прошедший путь от специалиста до топ-менеджера, это придает метафоре аутентичность. Подобная метафорическая модель, работающая на эмоциональное вовлечение и запоминание, характерна для русского делового дискурса [20].

Концепт лидерства в анализируемом корпусе текстов подвергается выраженной соматизации: абстрактные управленческие компетенции переосмысливаются через призму физической анатомии и телесной пластики. Авторитет руководителя базируется на его моральной и физической устойчивости, что выражается в метафорах «прочного внутреннего стержня» и уподобления лидера «атлантам»,

несущим на себе тяжесть ответственности [3, 12]. Самообладание при этом моделируется как акт прямого физического контроля: способность «держат себя в руках» [3, 178] в критических ситуациях и прямая корреляция между опрятностью и телесной выправкой, когда «расправляются плечи, вытягивается живот, поднимается подбородок» [3, 208]. Таким образом, внутренний психологический и управленческий статус напрямую верифицируется через внешнюю телесную экспрессию.

В отличие от механистических моделей, коммуникация и эмпатия у Батырева описываются как интимный обмен частями тела. Фраза «Отрываете от себя куски сердца и отдаете аудитории» [3, 109] гиперболизирует идею эмоциональной отдачи, возводя её в ранг физического самопожертвования.

Подобная риторика не случайна: она отражает глубинную установку русской коммуникативной культуры, которая, по наблюдению А. Вежбицкой, предполагает, что «когда русские до конца открывают душу, они ищут себе брата по духу, а не просто собеседника. Им нужен кто-то, кому они могли бы излить душу, с кем можно было бы разделить горе...» [6, 103]. А. А. Зализняк, И. Б. Левонтина и А. Д. Шмелев также отмечают важность эмоциональной общности с другими людьми: «Отсюда потребность «излить душу», поделиться с другим человеком своими переживаниями, «поговорить по душам» [7, 43].

Таким образом, подлинная мотивация и доверие в российском бизнес-дискурсе несовместимы с холодным расчетом и всегда маркируются через телесное, горячее и экзистенциально выстраданное переживание.

Технологический код в англо-американской деловой прозе

Анализ метафорического аппарата в текстах С. Кови выявляет доминирование технологического и утилитарного кода, через который концептуализируются базовые категории бизнес-дискурса: знание, лидерство, эмоциональный ресурс и межличностные отношения. Важно отметить, что подобный выбор метафорических источников не является случайным авторским приемом, а отражает глубинные концептуальные структуры западной, в особенности американской культуры. В данной парадигме абстрактные управленческие понятия проецируются не на физическое тело, а на технические системы, финансовые модели и алгоритмические процессы, что отражает установку на инструментальную рациональность и оптимизацию.

Наиболее репрезентативной является метафора «программного кода»: «Мы существуем среди множества сценариев, полученных извне, процесс написания собственного сценария в действительности является процессом «переписывания сценария» <...> Мы можем проактивно приступить к переписыванию себя заново» [9, 120], «Навык 1 гласит: “Вы программист”; навык 2 диктует: “Напишите программу”» [9, 146]. Данная установка на «перепрограммирование» личности вырастает из фундаментальной для англо-американского менталитета метафоры THE MIND AS A MACHINE («Разум – это машина») в типологии Лакоффа и Джонсона [17, 219], в которой мышление понимается как автоматизированная пошаговая сборка идей. Именно поэтому знание у Кови не «выжигается на коже», как у Батырева, а «внедряется» как код, который можно модифицировать, отладить и оптимизировать. Жизненная траектория концептуализируется как «пользовательский интерфейс» [9, 8] или «карта местности» [9, 39], где субъективное восприятие уподобляется навигационной схеме, подлежащей технической коррекции.

Концепт лидерства в анализируемом корпусе текстов лишается абстрактных управленческих коннотаций и переосмысливается через инженерную и операторскую компетенцию. Авторитет лидера базируется не на природном авторитете, а на способности управлять системами: «Вы – программист» [9, 146], «инструмент своей собственной деятельности» [9, 321].

Самообладание моделируется не как акт физического контроля, а как регулярное техническое обслуживание производственного актива: «затачивайте пилу» (*Sharpen the Saw*), где человек определяется как «инструмент» (*tool / asset*) [9, 321; 15, 186]. Таким образом, внутренний психологический статус верифицируется через функциональную эффективность, а не через телесную экспрессию.

В отличие от соматической модели Батырева, эмоциональный ресурс и межличностные отношения у Кови описываются через призму строгого финансово-механистического учета. Фраза «Эмоциональный банковский счет» (*Emotional bank account*) формализует интимную сферу чувств как транзакционную систему с операциями «вклада» (*deposit*) и «снятия» (*withdrawal*) [9, 208; 15, 115]. Подобная редукция эмпатии до задачи повышения КПД опирается на глубокую онтологическую метафору западной морали, которую Лакофф и Джонсон описывают как концептуальное слияние WELL-BEING IS WEALTH («Благополучие – это богатство») и MORAL ACCOUNTING («Моральный учет») [17, 261]. В рамках этой системы благополучие

концептуализируется как богатство. Увеличение благополучия понимается как прибыль, а уменьшение – как убыток или издержки. Таким образом, даже базовые потребности (например, «дает человеку «психологический кислород» [9, 268]) и восстановление сил («зарядить «батарей» [9, 78]) рассматриваются не как спонтанные биологические процессы, а как оптимизация ресурсной базы, подлежащей постоянному аудиту.

Подобная редукция межличностных связей до уровня транзакций и технического обслуживания подтверждается социолингвистическими исследованиями: как отмечает А. Вежбицкая, обобщая западные модели, «в ситуации, когда иностранец обратился бы к другу за помощью, поддержкой или утешением, американец будет склонен искать профессионала, предпочитая не причинять своим друзьям неудобств» [6, 102]. В этой парадигме кризис воспринимается не как экзистенциальная травма, а как техническая неисправность, требующая не сочувствия, а настройки или обслуживания.

Коммуникация и межличностные отношения концептуализируются как оптимизируемая техническая система. Фраза о минимизации «трения в механизме человеческого взаимодействия» [9, 35] редуцирует эмпатию до задачи повышения эффективности. Установка «выиграл–выиграл» [9, 225] ищет решение как оптимальный алгоритм, исключая потери, что сближает конфликтологию с математическим моделированием.

Таким образом, технологический код в текстах С. Кови формирует модель успеха, в которой человек уподобляется «инструменту» [9, 321], требующему регулярного технического обслуживания, а его отношения – «финансовой системе» [9, 255], подлежащей аудиту. Данная парадигма отражает глубинную установку англо-американской культуры на инструментальную рациональность, где кризис воспринимается не как физическая боль, а как техническая неисправность, требующая настройки или обслуживания.

Сравнительный анализ: соматическая экзистенциальность vs технократический утилитаризм

Сравнительный анализ метафорических моделей, репрезентированных в текстах М. Батырева и С. Кови, позволяет выявить фундаментальную дихотомию в концептуализации бизнес-реальности: оппозицию «соматическая экзистенциальность – технократический утилитаризм». Данная оппозиция последовательно прослеживается во всех выделенных нами пяти категорий метафорического моделирования.

Эпистемология М. Батырева демонстрирует принципиальный отказ от технологичных или механистических моделей усвоения информации (таких как «загрузка данных» или «запоминание») в пользу соматической парадигмы. В этом дискурсе истина легитимируется исключительно через телесное проживание и физиологический отклик. Автор последовательно использует лексику необратимого физического воздействия: принципы «проявляются на сердце» [3, 173], а тексты способны «как будто прострелить» [3, 248], оставляя «надпись, отпечатавшуюся на спине татуировкой» [3, 288]. Знание, не прошедшее через эту стадию телесной интеграции, не становится «органической частью физической плоти» лидера и потому признается невалидным, превращаясь в пустое намерение, которое «равно ничего» [3, 288].

В англо-американской парадигме (С. Кови) познание десакрализуется и уподобляется работе с «программным кодом» или «картой местности». Кризис здесь не является экзистенциальной травмой; это «сбой системы» или «дисбаланс Р/РС», требующий не глубокого переосмысления, а технического

Концептуализация лидерства и субъектности также демонстрирует соматическую направленность. У Батырева авторитет лидера онтологически привязан к физической анатомии и осанке: когда человек «каждое утро чист телом и в свежей одежде», у него «расправляются плечи, втягивается живот, поднимается подбородок» [3, 208]. Лидер концептуализируется как носитель физической и моральной статики, чья внутренняя сила верифицируется через внешнюю телесную экспрессию и способность «держаться в руках» [3, 178] даже в критических ситуациях. Гигиена и опрятность становятся не просто эстетическими категориями, а маркерами управленческой компетентности: «когда вы каждое утро чисты телом и в свежей одежде, вы чувствуете себя принципиально лучше... вы даже лучше ведете переговоры» [3, 208]. Таким образом, телесная дисциплина трансформируется в инструмент лидерского влияния.

У Кови субъект выступает в роли «программиста», а сам человек определяется как «инструмент собственной деятельности». Управление собой и другими здесь сводится к компетенции оператора, настраивающего параметры системы («смещение точки опоры», «делегирование исполнения»), а не к демонстрации телесной стойкости.

Наиболее показательно расхождение проявляется в моделировании межличностных отношений и эмоционального

ресурса. В анализируемом корпусе коммуникация и эмпатия описываются через гипертрофированные висцеральные образы самопожертвования: автор утверждает, что спикер должен «отрывать от себя куски сердца и отдавать аудитории» [3, 109]. Интуиция и усвоение смыслов моделируются не как когнитивные, а как физические реакции: текст способен «как будто прострелить» [3, 248], а внутренний принцип начинает физиологически «зудеть» на участке кожи в моменты соблазна [3, 53].

Эмоциональный ресурс и выгорание концептуализируются через гидравлическую и биологическую метафорику. Энергия не абстрактна, она заполняет «внутренний бассейн» человека, а стресс описывается как дисбаланс «труб», по которым эта энергия втекает и вытекает [3, 109]. Даже негативные эмоции (гнев) лишаются психологической абстракции и сводятся к чистой физиологии: «кровь приливает к мозгу, руки потеют, дыхание учащается» [3, 177]. Таким образом, доверие, интуиция и эмоциональный баланс верифицируются исключительно через телесные и биологические маркеры.

Напротив, С. Кови внедряет в сферу чувств строгую финансово-механистическую логику. Метафора «эмоционального банковского счета» с его «вкладами» и «снятиями» формализует эмпатию как транзакционную систему, подлежащую постоянному аудиту. Даже восстановление сил («зарядить батареи») и тайм-менеджмент («матрица времени», «квадранты») рассматриваются как оптимизация ресурсной базы, а не как спонтанное эмоциональное состояние.

Данное противоречие коренится в глубинных национальных установках: если англо-американская модель ориентирована на утилитарную целесообразность, то русская лингвокультура, как отмечают А. А. Зализняк, И. Б. Левонтина и А. Д. Шмелев, опирается на идею «непосредственности», которая «предполагает, что человек действует сообразно своим сиюминутным желаниям и импульсам, не думая о прагматических последствиях, не соотнося свои действия с какими-то утилитарными целями» [7, 27]. Именно поэтому интуиция тела Батырева категорически отвергает оптимизацию алгоритмов Кови.

Следует учесть и тот момент, что книга Батырева строится как эмпирический бестселлер: управленческие правила подтверждаются примерами из рабочего, в том числе личного, опыта, теория и практика нераздельны. Труд С. Кови имеет характер абстрактно философско-психологической системы, в которой метафора иллюстрирует глобальные принципы, но при этом не связана с ситуацией «проживания» опыта.

Таким образом, сравнительный анализ подтверждает выдвинутую гипотезу. Метафорическое моделирование у М. Батырева конструирует образ бизнеса как поля экзистенциальных испытаний, где успех измеряется глубиной телесной интеграции опыта. Модель С. Кови, напротив, описывает бизнес как управляемую техногенную среду, где человек, его эмоции и отношения подлежат рационализации, измерению и постоянной оптимизации ради достижения максимальной функциональной эффективности.

Заключение

Проведенное компаративное исследование метафорического моделирования в деловой прозе М. Батырева и С. Кови позволяет подтвердить выдвинутую гипотезу о фундаментальной дихотомии «соматическая экзистенциальность – технократический утилитаризм» в концептуализации бизнес-реальности.

Установлено, что русскоязычный бизнес-дискурс (М. Батырев) конструирует модель успеха, в которой знание, лидерство и межличностные отношения легитимируются исключительно через телесный опыт. Метафоры «татуировки на сердце», «крепкого хребта» и «отрывания кусков сердца» актуализируют культурную установку на то, что подлинная истина и авторитет должны быть физически выстраданы и необратимо интегрированы в плоть. В этой парадигме бизнес воспринимается как поле экзистенциальных испытаний, где кризис переживается как физиологическая травма или отторжение, а энергия лидера имеет стихийный характер, лидер уподобляется воину, волевому, мужественному.

В противоположность этому, англо-американская деловая проза (С. Кови) предлагает технократическую парадигму, в которой человек и его социальные связи концептуализируются как оптимизируемые системы. Метафоры «программного кода», «эмоционального банковского счета» и «матрицы времени» десакрализируют эмоциональную и межличностную сферы, сводя их к транзакционным операциям и техническим параметрам, подлежащим постоянному аудиту, настройке и повышению КПД. Метафоры Кови более адаптивны, «инструментальны», связаны с системным мышлением, не имеют ничего общего с образом «воина бизнеса». Успех в данной метафорической модели измеряется не глубиной экзистенциального переживания, а функциональной эффективностью и отсутствием «сбоев» в системе.

«Выявленная специфика отражает глубинные национальные культурные коды. Традиционная для русской культуры

онтологическая связь истины, опыта и телесного страдания резко контрастирует с характерной для западной прагматической традиции ориентацией на инструментальную рациональность. Как справедливо отмечают А. А. Зализняк, И. Б. Левонтина и А. Д. Шмелев, «в русской лингвокультуре отсутствует «культ труда», характерный для западной (протестантской) этики», а сам труд часто воспринимается как нечто «принудительное, тяжелое, отнимающее силы» [7, 116–117]. Именно поэтому технократические метафоры С. Кови («оптимизация», «ресурс», «КПД») в русскоязычном дискурсе М. Батырева замещаются экзистенциальными метафорами преодоления и телесного проживания».

Перспективы дальнейшего исследования видятся в анализе процессов адаптации и трансформации технологических метафор при переводе западной деловой литературы на русский язык (переводческая адаптация концептуальных метафор), а также в изучении эволюции метафорического аппарата делового дискурса в условиях цифровизации и развития искусственного интеллекта, которые могут размывать или, напротив, усиливать описанные дихотомии.

Список источников

1. Абрамзон Т. Е., Рудакова С. В. Метафора движения в профессиональной коммуникации (на материале проектной сессии предприятия х) // Современные достижения университетских научных школ : Сборник докладов национальной научной школы-конференции, Магнитогорск, 26–27 декабря 2019 года. Вып. 4. Магнитогорск: Магнитогорский государственный технический университет им. Г. И. Носова, 2019. С. 207-210. EDN UWAVWA.
2. Антонова Т. Г. Метафорическое моделирование социального конфликта в медиадискурсе: пространственные метафоры // Вестник Томского государственного университета. 2015. № 401. С. 5-12.
3. Батырев М. В. 45 татуировок личности: Правила моей жизни. 1-е изд. Москва: Манн, Иванов и Фербер, 2019. 320 с.
4. Батырев М. В. 45 татуировок менеджера: Правила российского руководителя. 3-е изд. Москва: Манн, Иванов и Фербер, 2016. 304 с.
5. Березуцкая Д. О., Федотова А. М., Дорофеева Д. А., Янковская В. О. Метафорическое моделирование политической реальности в современном англоязычном медиадискурсе // Международный научно-исследовательский журнал. 2026. № 2 (164).

С. 1-8. URL: <https://research-journal.org/media/articles/23139.pdf> (дата обращения: 17.04.2026).

6. Вежбицкая А. Понимание культур через посредство ключевых слов / пер. с англ. А. Д. Шмелев. Москва: Языки славянской культуры, 2001. 288 с. (Язык. Семиотика. Культура. Малая серия).

7. Зализняк А. А., Левонтина И. Б., Шмелев А. Д. Ключевые идеи русской языковой картины мира: сборник статей. Москва: Языки славянской культуры, 2005. 544 с. (Язык. Семиотика. Культура).

8. Зарипов Р. И. Когнитивное и метафорическое моделирование в медиадискурсе // Политическая лингвистика. 2024. № 4 (106). С. 175-183.

9. Кови С. Р. Семь навыков высокоэффективных людей: мощные инструменты развития личности. 11-е изд., доп. Москва: Альпина Паблишер, 2016. 396 с.

10. Лакофф Дж., Джонсон М. Метафоры, которыми мы живем / пер. с англ. А. Н. Баранов. Москва: Едиториал УРСС, 2004. 256 с.

11. Москвин В. П. Русская метафора: Опыт семиотического описания. 5-е изд. Москва: ЛЕНАНД, 2019. 352 с.

12. Песина С. А., Юсупова Л. Г. Градация метафор в зависимости от образности и уровня вовлечения // Политическая лингвистика. 2025. № 3(111). С. 41-49. EDN RHQJKV.

13. Песина С. А., Зимарева О. Л., Козлова К. А. Метафора как модель когниции и конвенциализации смысла // Гуманитарно-педагогические исследования. 2021. Т. 5. № 1. С. 45-50. EDN MZTSYF.

14. Теория метафоры: Сборник: Пер. с англ., фр., нем., исп., польск. яз. / Вступ. ст. и сост. Н. Д. Арутюновой; Общ. ред. Н. Д. Арутюновой и М. А. Журиной. Москва: Прогресс, 1990. 512 с.

15. Covey S. R. The 7 Habits of Highly Effective People: Powerful Lessons in Personal Change. 15-е изд. New York: Simon & Schuster, 2004. 432 p.

16. Deberdeeva E.E., Voychenko V.M. Metaphor as a means of language world picture organizing in the English and Russian linguocultures // Russian Linguistic Bulletin. 2017. № 2 (10). Pp. 3-5.

17. Lakoff G., Johnson M. Philosophy in the Flesh: The Embodied Mind and Its Challenge to Western Thought. New York: Basic Books, 1999. 647 p.

18. Pesina S. A. Linguo-cognitive aspects of manipulation in political discourse / S. A. Pesina, T. E. Abramzon, S. V. Rudakova [et

al.] // Laplage em Revista. 2020. Vol. 6, No. Extra-C. Pp. 330-337. EDN YKRXDA.

19. Trim R. Culture-specific Conceptualisation // Metaphor Networks. London: Palgrave Macmillan, 2007. Pp. 49-62.

20. Wang H., Runtsova T., Chen H. Economy is an organism – a comparative study of metaphor in English and Russian economic discourse // Text & Talk. 2013. Vol. 30. Iss.2. Pp. 259–288.

REFERENCES

1. Abramzon T. E. & Rudakova S. V. (2019). Metaphor of movement in professional communication: A case study of a project session at enterprises // Contemporary Achievements of University Scientific Schools: Proceedings of the National Scientific School-Conference, Magnitogorsk, December 26–27. 2019. Issue 4. Pp. 207–210. Magnitogorsk: Nosov Magnitogorsk State Technical University. EDN UWAVWA. (In Russ.).

2. Antonova T. G. Metaphorical modelling of social conflict in media discourse: Spatial metaphors // Tomsk State University Journal. 2015. № 401. Pp. 5–12. (In Russ.).

3. Batyrev M. V. 45 Tattoos of Personality: The Rules of My Life (1st ed.). Moscow: Mann, Ivanov and Ferber, 2019. 320 p. (In Russ.).

4. Batyrev M. V. 45 Tattoos of a Manager: The Rules of a Russian Executive (3rd ed.). Moscow: Mann, Ivanov and Ferber, 2016. 304 p. (In Russ.).

5. Berezutskaya D. O., Fedotova A. M., Dorofeeva D. A. & Yankovskaya, V. O. Metaphorical modelling of political reality in contemporary English-language media discourse // International Research Journal. 2026. №2(164). Pp. 1–8. URL: <https://research-journal.org/media/articles/23139.pdf> (accessed 17.04.2026). (In Russ.).

6. Wierzbicka A. Understanding Cultures through Their Key Words / Translated from English by A. D. Shmelev. Moscow: Languages of Slavic Culture, 2001. 288 p. (Language. Semiotics. Culture. Minor Series). (In Russ.).

7. Zaliznyak A. A., Levontina I. B., & Shmelev A. D. Key Ideas of the Russian Linguistic Worldview: A Collection of Articles. Moscow: Languages of Slavic Culture, 2005. 544 p. (Language. Semiotics. Culture). (In Russ.).

8. Zaripov R. I. Cognitive and metaphorical modelling in media discourse. Political Linguistics. 2024. № 4(106). Pp. 175–183. (In Russ.).

9. Covey S. R. The 7 Habits of Highly Effective People: Powerful Lessons in Personal Change (11th enlarged ed.). Moscow: Alpina Publisher, 2016. 396 p. (In Russ.).

10. Lakoff G., & Johnson M. *Metaphors We Live By* / Translated from English by A. N. Baranov. Moscow: Editorial URSS, 2004. 256 p. (In Russ.).

11. Moskvina V. P. *Russian Metaphor: An Attempt at a Semiotic Description* (5th ed.). Moscow: LENAND, 2019. 352 p. (In Russ.).

12. Pesina, S. A., & Yusupova, L. G. Gradation of metaphors depending on imagery and the level of involvement // *Political Linguistics*. 2025. № 3(111), 41–49. EDN PHQJKV. (In Russ.).

13. Pesina, S. A., Zimareva, O. L., & Kozlova, K. A. Metaphor as a model of cognition and conventionalisation of meaning // *Humanitarian and Pedagogical Research*. 2021. № 5(1). Pp. 45–50. EDN MZTSYF. (In Russ.).

14. Arutyunova, N. D., & Zhurinskaya, M. A. (Eds.). *Theory of Metaphor: A Collection of Works* / Translated from English, French, German, Spanish, and Polish; introductory article and compilation by N. D. Arutyunova; general editing by N. D. Arutyunova and M. A. Zhurinskaya. Moscow: Progress, 1990. 512 p. (In Russ.).

15. Covey S. R. *The 7 Habits of Highly Effective People: Powerful Lessons in Personal Change*. 15-е изд. New York: Simon & Schuster, 2004. 432 p. (In Eng.).

16. Deberdeeva E.E., Voychenko V.M. Metaphor as a means of language world picture organizing in the English and Russian linguocultures // *Russian Linguistic Bulletin*. 2017. № 2 (10). Pp. 3-5.

17. Lakoff G., Johnson M. *Philosophy in the Flesh: The Embodied Mind and Its Challenge to Western Thought*. New York: Basic Books, 1999. 647 p. (In Eng.).

18. Pesina S. A. Linguo-cognitive aspects of manipulation in political discourse / S. A. Pesina, T. E. Abramzon, S. V. Rudakova [et al.] // *Laplace em Revista*. 2020. Vol. 6, No. Extra-C. Pp. 330-337. EDN YKRXDA. (In Eng.).

19. Trim R. *Culture-specific Conceptualisation* // *Metaphor Networks*. London: Palgrave Macmillan, 2007. Pp. 49-62. (In Eng.).

20. Wang H., Runtsova T., Chen H. Economy is an organism – a comparative study of metaphor in English and Russian economic discourse // *Text & Talk*. 2013. Vol. 30. Iss.2. Pp. 259–288. (In Eng.).

**EMBODIMENT VS TECHNOLOGICALITY: NATIONAL
SPECIFICITY OF METAPHORICAL MODELLING IN BUSINESS
PROSE: A STUDY OF BOOKS BY M. BATYREV AND S. COVEY**

Olga I. Alekseeva

Master's student

Nosov Magnitogorsk State Technical University

(Magnitogorsk, Russia)

Svetlana V. Rudakova

Doctor of Sciences (Philology), Professor of Department of Linguistics and
Literature, Nosov Magnitogorsk State Technical University

(Magnitogorsk, Russia)

Abstract

Conceptual metaphor functions not merely as an artistic ornament of business discourse but as a cognitive instrument shaping the linguistic worldview of a professional community. A comparative analysis of business prose demonstrates a stable dichotomy: the Russian-language business narrative tends toward somatic and existential imagery, whereas the Anglo-American tradition relies on a technocratic and utilitarian metaphorical apparatus. The aim of the present study is to identify the national specificity of metaphorical modelling by comparing conceptual metaphors in the bestsellers by the Russian author M. Batyrev “*45 Tattoos of Personality: The Rules of My Life*” and the American author S. Covey “*The 7 Habits of Highly Effective People: Powerful Lessons in Personal Change*”. The material comprises 60 metaphorical units extracted by means of continuous sampling. The study employs methods of cognitive metaphor analysis, componential analysis, and the comparative-contrastive method. It is shown that, in Russian business prose, the legitimisation of knowledge and leadership takes place through somatic existentiality: truth must be physically suffered through and integrated into bodily experience. In the Anglo-American tradition, technocratic utilitarianism predominates: the individual and interpersonal relations are conceptualised as an optimisable system in which knowledge is an algorithm and crisis is a remediable malfunction. The findings demonstrate how metaphorical modelling constructs fundamentally different models of success, management, and interpersonal interaction.

Keywords: conceptual metaphor, business discourse, somatic code, technological code, linguistic worldview, M. Batyrev, S. Covey, cognitive linguistics

Для цитирования: Алексеева О. И., Рудакова С. В. Телесность vs технологичность: национальная специфика метафорического моделирования в деловой прозе (на материале книг М. Батырева и С. Кови) // Libri Magistri. 2026. № 3 (37). С. 95-111.

Поступила в редакцию 12.05.2026